

История горного дела на Урале

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА УРАЛЕ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

В. В. Филатов

В 1930 г. кафедра геофизики чествовала двух инженеров-геофизиков: Петра Александровича Королькова (1900–1975) и Дмитрия Степановича Микова (1903–1985).

Создание кафедры, выпуск инженеров, результаты научных исследований убеждали руководителей уральских организаций и директоров геологических и геофизических институтов Москвы и Ленинграда в том, что в Свердловске рождается оригинальная геофизическая школа. Поэтому первые стали вкладывать в ее развитие немалые средства. Трест «Востокруд», по словам Соболевского, «дал возможность геофизической лаборатории стать на ноги, окрепнуть и приступить к большой научно-исследовательской и производственной работе. С 1932 г. мы работали... как заведываемая мной геофизическая и горно-геометрическая лаборатория». На эти средства развивалась не только уральская, но и союзная геофизика. «В части аппаратуры, – говорил Соболевский, – я бы хотел начать с указания того колоссального значения, какое надо придать инициативе С. К. Гирина (1896–1937). Он является у нас основоположником создания... первой прецизионной мастерской по изготовлению геофизических инструментов... Когда, примерно, в 1926–1927 гг. я был в Ленинграде, мастерская эта была еще... пустым местом. Первые средства она получила по заказу Урала..., что дало возможность Гирину сейчас же приобрести наиболее ценное и важное оборудование».

Вторые, т. е. НИИ, стали активно сотрудничать с уральскими геофизиками при решении поисково-разведочных задач и при опробовании новых методов. Региональные исследования по-прежнему проводили сотрудники столичных организаций. Ученики Соболевского занимались детальными опытно-производственными исследованиями: гравиметрическими на месторождениях хромистого железняка в Верх-Нейвинском районе и на Гумбейском месторождении вольфрамита и электроразведочными – методами изолиний, индукции, сопротивления, естественного поля в Калатинском и Карабашском районах для поисков медно-сульфидных месторождений и отдельных рудных тел с оценкой глубин их залегания.

В конце 1931 г. на базе геофизической лаборатории и лаборатории горной геометрии специальным постановлением ВСНХ был организован Уральский научно-исследовательский институт геофизических методов разведки и горной геометрии. Весной 1933 г. его объединили с научно-исследовательским сектором Уральского геологического треста. Так возник Уральский научно-исследовательский геологоразведочный институт (УралНИГРИ). Через год, весной 1935 г., УралНИГРИ объединили с Уральским научно-исследовательским институтом геологии, разведки и исследования минерального сырья (Уралгеомин). Спустя год геофизический сектор Уралгеомина был передан в Уральский геологический трест, который стал выполнять на Урале и на сопредельных территориях основной объем геофизических работ. Так благодаря Соболевскому и его ученикам на Урале была создана геофизическая служба. Геофизические исследования, проводившиеся этими институтами, были теснейшим образом связаны с кафедрой геофизики, поскольку все ее преподаватели и студенты принимали в них участие, а работники научно-исследовательских институтов, сотрудничая с кафедрой, читали лекции и проводили практические занятия.

Являясь научным руководителем научно-исследовательского института и заведующим двух кафедр, Соболевский так представлял взаимоотношения этих структур: «Мы должны, – писал

он, – при нашем исследовательском институте иметь свой ВТУЗ и свои курсы (повышения квалификации. – В. Ф.). Эта мысль у нас однажды обсуждалась, затем заглохла. Но опыт жизни нашей геофизической и горно-геометрической лаборатории... убеждает меня в том, что центральной фигурой должен быть научно-исследовательский институт и при нем ВТУЗ и курсы, но никак не наоборот, и не раздельно. Мы тогда смогли бы... готовить тех людей и в таком количестве, которые нужны промышленности и для научно-исследовательского института». К сожалению, этот замысел не осуществился. И не потому, что Соболевский уехал в Москву, а потому что идея создания научно-производственно-педагогического комплекса намного опередила время.

В 1931 г. в «полку» уральских геофизиков прибыло еще два инженера: Б. А. Калганов и С. Л. Харитонов и... один академик АН СССР, выдающийся физик, биофизик и геофизик, научный руководитель изучения Курской магнитной аномалии Петр Петрович Лазарев (1878–1942). Около двух месяцев, с 15 декабря 1931 года по 11 февраля 1932 года, он был профессором кафедры физики. Какие обстоятельства вынудили его уехать из Москвы? Опала. 6 марта он был арестован и выслан в Свердловск, правда, без лишения прав. Корольков, близко знавший Лазарева, вспоминал, что «Лазарев оказался в Свердловске потому, что был оклеветан как французский шпион и арестован, но по личному распоряжению Сталина был освобожден из-под ареста и выслан временно в Свердловск. Лазарев был арестован, возможно, потому, что среди академиков он был «белой вороной».

Работа Лазарева на кафедре физики была сугубо формальной, хотя он и вел какие-то занятия по физике, математике, высшей геодезии и геофизике. Являясь одним из основоположников отечественной геофизики, на уральскую он не оказал прямого влияния. В его научном наследии есть всего одна работа, посвященная самым общим проблемам уральской геофизики. В Свердловске он просто пережидал, когда кончится немилость и ему разрешат вернуться в Москву.

Високосный 1932 г. стал для уральской геофизической школы очень важным. С этого года она с полным основанием могла называться школой, хотя бы потому, что в этом году кафедра выпустила 12 инженеров: М. И. Анчугова, Л. Н. Быкова, В. Н. Головцына (1905–1968), В. Я. Ильясова, В. С. Красулина (1901–1991), Д. П. Касаткина (1910–1976), Ш. А. Окроперидзе, П. Н. Меньшикова (1903–1978), А. А. Сержанта, Д. Ф. Уманцева (1908–1982), А. Б. Шапира и А. А. Юнькова (1902–1981). Некоторых из них судьба не пощадила, но многие стали весьма и весьма известными и именитыми.

Признанием значимости складывавшейся на Урале геофизической школы стало событие всесоюзного масштаба и значения. К 1932 г. в отечественной геофизике «возник ряд вопросов относительно того, где, как и какие геофизические методы следует ставить. Появилось частичное перекрытие и параллелизм в научно-исследовательской... работе различных учреждений. Поднялся вопрос о том, какие кадры и аппаратура нам нужны..., как должна организационно и идейно проводиться геофизическая работа в будущем. Все эти вопросы требовали подведения итогов всей геофизической работы и на основе выводов из них – наметить линию поведения в будущем. Наиболее разумным способом разрешения этих вопросов является личное общение, поэтому в феврале 1932 г. в г. Свердловске... по инициативе Союзгеоразведки была создана I-я Всесоюзная геофизическая конференция», – написал в предисловии к ее трудам председатель

редакционной комиссии Н. И. Сафронов.

«Самый факт созыва и организации Всесоюзной конференции, – сказал во вступительном докладе заместитель начальника Союзгеоразведки Д. А. Петровский, – является... свидетельством того, что в... области (геофизики. – В. Ф.) от пропаганды, от популяризации идей мы уже переходим к конкретному использованию нового... рычага в борьбе за наши природные богатства... Выбор Урала как места Первой Всесоюзной конференции... является не просто демонстрацией в честь Урала, величайшего центра социалистической стройки... С точки зрения геологоразведочных работ, не мешает помнить слова, сказанные тов. Сталиным об Урале, а именно, что он «представляет такую комбинацию богатств, какую нельзя найти ни в одной стране»... Если мы под углом зрения экономики подойдем к геофизическим методам, тогда... увидим, что Урал остро нуждается в геофизических методах, являясь одновременно областью, могущей дать этим методам широкое применение. Геофизические методы нужны всему Союзу, но, прежде всего, они нужны новым районам и для нужд новых отраслей промышленности».

Таким «новым районом» был Урал, в котором создавались «новые отрасли» промышленности и не только в нем одном. Вся страна была гигантской строительной площадкой. Правительство вкладывало колоссальные средства в изучение природных ресурсов, прежде всего минеральных, поиски которых были невозможны без надежной геолого-геофизической основы. Поэтому 20 сентября 1932 г. советская геофизика, а значит, и уральская, обрели еще одну фундаментальную государственную опору. В этот день на самом верху советской административной пирамиды, в Совете Труда и Обороны (СТО), было принято постановление о проведении масштабной, рассчитанной на многие десятилетия, работы по созданию сети гравиметрических пунктов с последующим построением карты аномалий силы тяжести на всю территорию страны. Результаты этой съемки предполагалось использовать как для решения геологических задач, так и для развития государственной геодезической сети.

На территорию Урала первая гравиметрическая карта, как уже было упомянуто ранее, была построена М. Ф. Богатырёвым в масштабе 1 : 1000 000 по данным маятниковых измерений в 469 пунктах, включая и те наблюдения, которые были проведены еще казанскими астрономами. Оценивая исходные материалы, Богатырёв отметил, что «сеть (наблюдений. – В. Ф.) является недостаточной, так как она никогда не планировалась по Уралу в целом, а представляет собой ряд отдельных профилей, проходившихся с разными целевыми установками, не увязанными между собой», а расстояния между отдельными пунктами достигали 1000 км.

Тем не менее даже такая карта представляла для геологов большой интерес, поскольку начиная с 1926 г. по инициативе и под руководством Б. М. Романова (1893–1956) стали проводить попланшетное геологическое картирование территории Урала. И гравиметрические данные, пусть даже и неполные, давали общее представление о геологии региона и его глубинном строении.

Геофизическое образование в высшей школе создавалось практически на пустом месте, и Соболевский много сделал для разработки методики преподавания, учебных планов и методической литературы. За годы работы на Урале им были составлены лекционные записки по магнитометрии и гравиметрии, пособие для ферромагнитных исследований и работе с кольцом Гельмгольца, создана учебно-инструкторская модель вариометра Этвеша для изучения оптики прибора и еще многое-многое другое.

Но главное – кадры. По магнитометрии для самостоятельной работы Соболевским были подготовлены аспирант Корольков и инженер Сержант, по гравиметрии – аспирант Юньков и инженер Меньшиков, по электрометрии (при содействии профессора Петровского) – инженеры Головцын и Анчугов. Реализуя идею о научно-производственно-педагогическом комплексе,

Соболевский открыл двух-трехлетние курсы по подготовке специалистов, обслуживавших организуемые кафедрой производственные разведочные геофизические экспедиции.

Не сразу был определен срок обучения по новой специальности. До 1932 г. инженеры-геофизики заканчивали вуз без защиты дипломных проектов, ее ввели только в 1933 г. Поэтому студенты, поступившие в институт в 1929 г., окончили его на год позже, только в 1934 г. Для следующих выпусков время учебы увеличили еще на год в связи с расширением программы обучения по физике, математике и введением некоторых новых дисциплин. Последующая многолетняя практика показала, что пятилетний срок обучения является самым оптимальным.

За короткое время Соболевскому удалось создать коллектив талантливых и преданных делу преподавателей и ученых, в основном выпускников кафедры. В дальнейшем это стало ее традицией, а затем и всего факультета. Опора на собственные кадры позволила выработать преемственность между различными поколениями, сохранять и развивать научно-педагогические принципы обучения, поддерживать в коллективе комфортную для работы и творчества обстановку. Все это в итоге стало важнейшей предпосылкой для подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих требованиям времени и запросам производства. В 1938 г., уже после отъезда Петра Константиновича, его ученики Головцын и Юньков открыли аспирантуру.

Соболевский был превосходным педагогом-методистом. Свой главный педагогический принцип он формулировал так: учить надо рассказом и показом. Поэтому, работая со студентами, он, изложив какой-либо теоретический вопрос, сразу же закреплял его, предлагая студентам выполнить соответствующую практическую работу. Его занятия не имели жесткого деления на лекционные и практические, а манера общения была эмоциональной и даже оригинальной. Б. В. Дорофеев (1920–1997), учившийся у него в начале 1940-х гг. в Московском геологоразведочном институте, рассказывал мне, что Петр Константинович мог, читая лекцию, забывшись, неожиданно перейти с русского языка на итальянский, с итальянского на французский. Опомнившись, он начинал говорить по-русски, чтобы через минуту увлечь аудиторию уже рассказом о каком-нибудь казусе из истории геофизики.

Такое поведение профессора забавляло студентов, а то, что они не понимали из услышанного на иностранных языках, постигали самостоятельно по учебникам. Но экзаменатором он был требовательным. «Для студентов он был тем примечательным, – вспоминал Корольков, – что стоило очень большого труда сдать ему зачет потому, что он требовал не столько знания предмета, сколько понимания его и стремился поднять уровень знаний и интересов студентов также в... дисциплинах, не имеющих прямого отношения к... предметам его кафедры».

Второй педагогический принцип Соболевского: «Учи, учись и не отрывайся от производства и живой природы». Для геофизика производство и живая природа – это почти одно и то же. Это геологическая среда с протекающими в ней разнообразными физико-химическими явлениями. Поэтому при обучении очень важно оценить соотношение между физикой и математикой, методы которых описывают эти явления и строение изучаемых геологических объектов. Этим важнейшим методологически вопросом задавались исследователи и до Соболевского.

Диалектику между физикой и математикой очень точно сформулировал еще Д. К. Максвелл (1831–1879): «Следя только математическому методу, мы совершенно теряем из виду объясняемые явления и потому не можем прийти к более широкому представлению об их внутренней связи, хотя можем предвещать следствия из данных законов. С другой стороны, останавливаясь на физической гипотезе, мы уже смотрим на явления как бы через цветные очки и становимся склонными к той слепоте

по отношению к фактам и поспешности в допущениях, которые способствуют односторонним объяснениям явлений».

Чтобы избежать «односторонности объяснений» причин аномалий, их необходимо интерпретировать, опираясь на геологические данные. Этот фундаментальный вывод был сделан еще на заре геофизики при изучении геологической природы Курской магнитной аномалии. Академик О. Ю. Шмидт (1891–1956), оценивая результаты этих исследований, предостерегал от физико-математического экстремизма, когда «математики и физики склонны были пренебрегать геологическими указаниями, основывая свои исследования на совершенно произвольных образах, лишь математически мыслимых, но геологически невероятных» и даже абсурдных.

Соболевскому были хорошо известны результаты геофизических исследований на КМА. Он понимал причины их недостатков, поэтому его студенты изучали геологические дисциплины не хуже геологов, а первые выпускники кафедры квалифицировались как геологи-геофизики.

Предпосылки возникновения геофизики объективны. Но вот направление развития уральской геофизики задал именно Соболевский. Каким бы оно было, не будь Петра Константиновича? Ясно, что иным и скорее всего представляло бы кальку со столичной геофизики. Потому что ни в 20-е, ни в 30-е, ни в более поздние десятилетия на Урале не было ученого такого масштаба, как он: ни по широте эрудиции, ни по глубине интеллекта и высоте культуры, ни по педагогическому и организационному дару, ни по личному обаянию и скромности. Характеризуя, например, ту огромную работу, которую ему удалось проделать на Урале за сравнительно короткий срок, он писал, что она «сделалась возможной только благодаря необычайно тесной и глубокой связи школы и производства, школы и промышленной жизни, благодаря весьма дружной семье преподавательского персонала школы, аспирантов, выдвиженцев и вообще всех студентов», главой которой был Пётр Константинович Соболевский.

По официальным документам, Соболевский во второй половине 1933 г. приказом по Наркомату тяжелой промышленности был переведен в Московский геологоразведочный институт (МГРИ). Уместен вопрос, а какова была причина для перевода, о которой в приказе ничего не сказано, да и не могло быть сказано. Что, МГРИ оскудел профессорами? Нет. В 30-е, да и в 40-е годы из Свердловского горного института в Москву кроме Соболевского был переведен в 1944 г. только академик Л. Д. Шевяков (1889–1963) и все.

В 1933 г. Петру Константиновичу исполнилось 65 лет. Его творческий потенциал к этому времени был в значительной степени исчерпан. Он это, вероятно, понимал и вряд ли допускал, что на новом месте ему удастся сделать что-нибудь значительное, как в Томске или в Свердловске. Да и зачем надо было оставлять на Урале все, что им было создано с таким трудом за 12 лет: две кафедры, лаборатории, десятки одаренных учеников и непочатый край животрепещущих маркшейдерских, горно-геометрических и геофизических проблем. Какой комфорт и простор для деятельности креативного человека! Что же заставило его в третий раз сняться с насиженного места: семья как в Екатеринославе? власть как в Томске? или что-то еще?

В конце мая 1933 г. Соболевский передал директору Горного института следующие заявления: «В настоящее время я числюсь заведывающим двумя выпускающими кафедрами – кафедрой геометрии недр... и кафедрой прикладной геофизики. В известной мере такое совместительство являлось неизбежным, поскольку, во-первых, геофизические методы разведки рассматривались под углом зрения единого неразрывного комплекса с геометрией недр и, во-вторых, поскольку я являюсь фактическим организатором соответствующих лабораторий. В связи с реконструкцией ВТУЗов заведывание выпускной кафедрой по совокупности всех

функций возлагаемых ныне на кафедру, превращалось в своего рода деканат, регулирующий всю научно-педагогическую и производственную деятельность кафедры. И это одинаково относится как к кафедре прикладной геофизики, так и к кафедре геометрии недр... Одному заведывающему справиться с большой работой по обеим кафедрам трудно и я считал бы наиболее целесообразным следующее решение вопроса о заведывании названными кафедрами: я остаюсь заведывающим... кафедрой геометрии недр... И вот, единственным заместителем по зав. каф. прикладной геофизики, который смог бы и дальше направлять начатое мною дело, я считал бы П. А. Королькова».

А годом раньше, в начале июля 1932 г., как бы предваряя это заявление, Соболевский, характеризуя кандидатскую диссертацию Королькова «О генезисе Алапаевского железорудного района», так оценил своего ученика: «П. А. Корольков один из достойнейших учеников и продолжателей нашей Уральской горно-геометрической школы разведчиков... Мы, к счастью, уже можем говорить о школе (курсив В. Ф.), ибо мы не только насчитываем многие десятки учеников, но можем отметить и громадную проводимую ими на Урале работу... На общем фоне многочисленных работ нашей горно-геометрической школы такие работники, как П. А. Корольков являются пионерами школы, не только достойно поддерживающими эту школу, но своими творческими работами, прокладывая дальнейший путь к внедрению и глубокому осмысленному освоению этой новой школы в геологической практике, призывающей к совместной работе геолога, геохимика, геофизика и горного инженера».

В процитированных документах нет ни малейшего намека на то, недоволен Соболевский чем-то или что-то его тяготит. Да, руководит двумя большими выпускающими кафедрами нелегко, и есть прекрасный ученик, способный возглавить одну из кафедр и достойно продолжить начатое им дело, а самому заведовать второй кафедрой. И вдруг, через несколько месяцев после заявления, он меняет свое решение и переезжает в Москву. Что произошло за это время? Ответ на этот вопрос я нашел в воспоминаниях Королькова. «Среди профессуры института, а не только факультета, – писал Петр Александрович, – он был «белой вороной» среди серых, выделяясь умом, образованностью, широтой взглядов и научных интересов... Переезд его в Москву был вынужденным, из-за... конфликтов с геологами... о путях развития и сферы применения на Урале геометрии недр и геофизики».

Да, геологи не понимали Соболевского, замкнувшись высокомерно в своей амбициозной и ортодоксальной кастовости. Он пытался достучаться до них, но они были глухи. Те же, кто способен был его понять, давно уехали с Урала.

«Сущность основных положений, составляющих фундамент нашей школы, – втолковывал он коллегам, пытаюсь установить психологические и иные причины их непонимания, – необычайно проста; в основных ее положениях нет ничего искусственного, все продиктовано самой природой. Я невольно задерживаюсь на высказанной только что мысли ..., так как часто становится непонятным, почему эти мысли, казалось бы, опытными и с большим стажем научными работниками... усваиваются туго, либо вовсе не усваиваются. Конечно, часто повторяемая в таких случаях фраза о якобы нежелании кого-то, что-то понимать или усваивать, меня совершенно не удовлетворяет, тут что-то другое, что-то психологического порядка из области невменяемости, из области бессознательного проявления различных волевых эмоций. Я абсолютно не склонен обвинять геологов-разведчиков в... невосприимчивости ими новых научных течений, но мне хотелось бы понять эту психологию сопротивления, с несомненностью говорящей о колоссальном бессознательном автоматизме и пассивности волевых ощущений, часто как будто бы совершенно независимых от высокой культурности развития человека и, по-

жалуй, проявляющихся иногда тем ярче, тем интенсивнее, чем эта регламентированная культурность выше. Я не буду приводить ни анализа, ни даже перечисления этих... необыкновенно разнообразных внешних проявлений затронутой мною психологии, своего рода иммунитета... По-видимому, гораздо проще, а потому и разумнее, создать новую школу с новыми свежими людьми, чем исправлять старую.

Основная, исходная мысль нашей Уральской Разведочной Школы заключается в том, что вся совокупность процессов и созданных этими процессами форм, характеризующих недра Земли, подчиняются некоторым законам, хотя и весьма сложным, но по существу имеющим свои корни в физике, химии, механике и математике. Опыт наблюдения и математический анализ приводят нас к убеждению, что эти геозаконны могут быть символизированы в некоторой математической функции... пространства и времени, которая имеет определенное... значение для каждой определенной точки пространства и для данной определенной эпохи.

Я... представляю себе обиду любого научного работника в области геологической разведки, если ему станут внушать, что де законы физики и химии распространяются и на исследуемые ими недра, ибо эти трузимы глубоко сидят в сознании каждого... и никто из работников нашей школы не мог упасть до такого нелепого утверждения! Действительно, глубоко обидно, что в этом явном недоразумении и взаимном недопонимании, по-видимому, и заключается первоисточник тех тормозящих и задерживающих сил, которые мешают часто освоению и широкому использованию новых физико-математических принципов геологической разведки.

Возвращаясь к развитию... общего исходного положения, я ограничусь лишь краткой формулировкой... наиболее важных следствий этого... положения...:

а) Полная характеристика недр, включая сюда характеристику форм, характеристику химизма недр и распределение вещества..., тектоники и т. п.... может быть интерпретирована геометрически, пространством, имеющим пластинчато-струйчатую структуру.

б) Любое плоское сочетание такого пространства всегда может быть интерпретировано системой НЕПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ ИЗОЛИНИЙ, характеризующих либо то, либо другое свойство разведываемого полезного ископаемого.

Откуда и наш метод – метод... называемый часто методом изолиний. Вот тут опять есть некоторый мотив для недоразумений и для невольной обиды: «Что же тут нового? Метод изолиний!? Да мы им давно пользуемся...». Так разве мы это оспариваем... мы ведь говорим о другом... мы говорим о геометрическом изображении Системы Геохимических Полей... мы говорим, что математический анализ этих полей и форм приводит нас к убеждению, что вся совокупность физических, химических, механических, геолого-петрографических и вообще промышленных свойств разведываемой части недр Земли... может быть и должна быть изображена геометрически на плоскости».

Владимир Викторович Филатов,
filatov47@bk.ru
Владимирский государственный университет,
Россия, Владимир, ул. Горького, 87

Так и не поняв истоков «психологии сопротивления» коллег геологов-разведчиков, Соболевский решил оставить и их и себя в покое и подальше от них уехать, полагая, что его ученик сможет справиться с этой задачей лучше него. К сожалению, ни того, ни другого не произошло. «Соболевскому, – по воспоминаниям Королькова, – не пришлось развернуть в Москве свою деятельность по геометрии недр, не говоря уже о геофизике, в полную меру, на которую он был способен. Произошло это тоже из-за противодействия геологов. Что же касается геофизики, то ему вовсе не пришлось заниматься ею, если не считать того, что он пытался меня, как своего ученика, перевести из Свердловска работать на кафедру геофизики..., возглавлявшейся А. И. Заборовским (1894–1976). Эта попытка не удалась потому что, во-первых, и в Москве, как выяснилось, отсутствовали условия для развития геофизики в духе Соболевского и, во-вторых, институт мог предоставить мне для проживания одну комнату, вместо нужных для моей семьи двух, которыми я располагал тогда в Свердловске».

Творческое сотрудничество учителя и ученика продолжались до самой смерти учителя. Последний раз они встретились за три месяца до этого печального события. 5 декабря 1948 г. «по приезду в Москву, – вспоминал Петр Александрович, –... я, как обычно, зашел по окончании служебных дел, побеседовать на квартиру к Соболевскому и сказал ему, что пропагандируемую им геометрию недр пора именовать геометрией потока, как имеющую исключительно важное значение во всех разделах естествознания, а не только при изучении недр... Мое предложение очень понравилось Соболевскому, но он воздержался дать сразу безусловное согласие со мной. Зато он настоятельно просил меня отложить, назначенный на завтра выезд в Свердловск и сделать доклад на его кафедре. На следующий день... я сделал доклад «Геометрия потока и история ее возникновения». Присутствовало, помимо Соболевского, 12 человек... Половина... отнеслась к докладу одобрительно, а другая половина... резко отрицательно, из-за моей критики неевклидовой геометрии и ее сочинителей (Лобачевского, Больяй, Тауринуса, Римана и т. д., вплоть до Минковского и Эйнштейна) и из-за критики геологического учения об эндогенных процессах. Оживленная дискуссия по докладу была безрезультатной – не было принято никакого решения».

Его и невозможно было принять. Да оно и нужно было только одному Королькову. А через три месяца, когда Петр Константинович умер (4 марта 1949 г.), он навсегда остался один со своими идеями, не понятый и не принятый никем и никогда. Но до этого еще нужно было дожить.

Пока же директор института П. Я. Ярутин (1895–1979), согласившись с доводами Соболевского, издал приказ о назначении с 1 сентября 1933 г. временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой геофизики Королькова с оплатой 100 руб. в месяц. В это время он был еще исполняющим обязанности доцента, но с 31 ноября ГУУЗ НКТП утвердили его в ученом звании доцента, поскольку им уже была защищена кандидатская диссертация».